

Олег Ефремов:
примерно девять лет.

ТЕАТРАРИУМ

ИЗ АРХИВА МУЗЕЯ МХАТА

"Все мои женщины были моими женами"

Николай Якушин, профессор, заведующий кафедрой истории, журналистики и литературы ИМЭП им. Грибоедова, единственный друг детства Олега Ефремова. Он учился с ним в школе №9 в Калосинском переулке, которая потом переехала в Гагаринский и известна под №70.

— Он был абсолютно неуемной энергии парень, вечно куда-то мчался, что-то придумывал, всегда был генератором идей. Под его предводительством наша компания отправлялась на чердаки что-то разыскивать. Ему принадлежала идея пойти в городской Дом пионеров в переулке Стопани, потому он ревностно занялся фотографией. Потом был кукольный театр, и мы с ним делали куклы.

— Пьесу тоже сами сочинили?
— Нет, Олег ее выискал в журнале "Детское творчество". Там молодой человек собирался в армию, а собачка его отговаривала. Олег играл за парня и декламировал:

— Я не буду в доме жить,
Буду в армии служить.
А еще я помню, как он читал стихотворение:

"Климу Ворошилову письмо я написал".
— Он числился в хулиганах? Ведь только из хулиганов вырастают такие таланты.

— Нет, хулиганства были, но невинные — лезли по крышам, в соски наливали воды.

— В какие соски?

— Да обычные, аптечные, которые на бутылки надевали. Одна соска выдерживала до двух литров воды, и если ее перевернуть, вода не выливалась. Вот однажды Олег решил подбросить такую соску домработнице из семьи девочки, которая нам обоим нравилась, — Тане Ростовцевой, она была на два года моложе нас, а позже стала женой Юры Никулина. Так вот, Олег по пожарной лестнице забрался на второй этаж к ее окнам. Шторы были занавешены, он постучал, чья-то рука открыла форточку, и Олег запустил туда соску. Она взорвалась, крику было много. А потом выяснилось, что она попала в комнату не домработницы, а Таниной тетки — жены ответственного работника. Правда, на следующий день мы, как хорошие мальчики, пошли извиняться.

— Ну насчет "хороших мальчиков", кажется, это серьезная натяжка.

— Напрасно вы так думаете. Мы хорошо учились, и пятый, и шестой класс Олег окончил с отличием. Но похвальную грамоту ему не дали, так как он имел тройку по поведению. Но за что тройку? Наша классная руководительница очень любила покрывать на учеников. А Олег этого не выносил, как-то не сдержался и ответил ей, без хамства и грубостей, но достаточно твердо. Вот и получил тройку. Он вообще держался независимо.

— Он нравился девочкам?

— Должен вам сказать, нравился. Они записочки ему писали. Мы не были сексуально озабоченными, позже созревали, но влияние улицы чувствовалось. Олег напевал песенку: "Когда я молоденьким юнкером был", которую он откуда-то принес. А однажды — то ли начитался, то ли еще откуда-то взял — заявил про Таню Ростовцеву: "Знаешь, Коля, она должна мне отдаться".

— А его первая любовь?

— В школе такой не было. Первая любовь пришла позже, в театральной школе. Это была Ирина Скобцева. Она принимала его ухаживания, была в доме у Ефремовых, и на эту связь родители Олега смотрели очень благосклонно. Но... Скобцева предпочла Олегу Аджубея.

— Ваш друг страдал?

— Если и страдал, то никогда этого не показывал. Вообще, безответной любви у него никогда не было. Как-то он меня поразил. Знаете, что он мне сказал о своих женщинах? "Все мои женщины были моими женами". То есть у него всегда это было серьезно и достаточно долго продолжалось. Он не был, знаете ли, таким беспутным, ветреником, как его многие любят представлять.

По словам Николая Якушина, увлечение театром началось еще во время войны. В 43-м году в театральной студии Дома пионеров Киевского района была поставлена пьеса Константина Симонова "Русские люди". Там Ефремов играл немца, и, по свидетельству многих, этот фашист имел у публики большой успех, чем русские люди.

— Знаете, если бы не он, я не знаю, как сложилась бы моя жизнь. Я не имел среднего образования, работал на заводе — а это была каторга по 12 часов. Олег так повлиял на меня, что я понял: надо учиться. Теперь, когда его не стало, из моей жизни как будто что-то ушло, пустота наступила.

Николай Якушин:
это первый снимок
Олега Ефремова.

ИЗ АРХИВА МУЗЕЯ МХАТА

"Станиславский со своими актерами ходил на Хитров рынок перед тем, как ставить "На дне". Мы поняли, что собственное "живое восприятие" жизненного материала — это толчок к любому творчеству. Поэтому мы обязательно, если представлялась возможность, ездили и знакомились со средой, которую нам предстояло изображать. Перед "Без креста" — 10 дней жили и репетировали в деревне под Александровом".

"Наша бескомпромиссность доходила до того, что мы все решили отказаться от званий, когда нам предложили представить кого-то из нас. Мы мотивировали это тем, что звания разобщают, а мы студия и хотим быть все равны перед искусством. Существует такая легенда: когда Станиславскому сказали, что ему присвоено звание, он будто бы схватился за голову, заохал и сказал: это своего рода табель о рангах, которые не нужны. И если бы их вообще отменили, я был бы очень рад".

"Я отлежусь, как собака"

Последний год жизни Олега Ефремова — это борьба с физическим недугом, ярость и отчаяние задержать время и задержаться на этой зем-

душа, он бы вообще не пил, если бы друзья не приносили. Он меня спрашивал: "Вот почему, когда я выпью, мне становится легче?" Это естественно: алкоголь — это дешевая энергия, но после того, как он начинает расщепляться, появляются токсические вещества, и человеку становится хуже. Но в тот небольшой промежуток — конечно, легче.

Вообще, он не любил жаловаться, но в последнее время говорил: "Сергей, ты не представляешь, даже в туалет мучительно ходить". Такая у него была одышка. Иронизировать даже не мог. Он еще надеялся, что все пройдет, "я отлежусь, как собака", но...

— О чем вы говорили, когда приходили к нему?

— О многом, истории разные рассказывал. Ну, например, в подробностях — как тайский массаж принимал. Как тайка его мыла, погружала в ванну, и все это сопровождалось приятными телодвижениями. Это все смех. Олег Николаевич все время говорил о театре.

— А о преемнике говорил?

— Я не нуждался в этих разговорах. Но с самого начала он довольно уверенно говорил, что это будет Табаков. За год-полтора у нас был разговор, и он сказал, что Олег Павлович будет.

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВ

"Мы все решили отказаться от званий"

Аксиома — безумцы движут историю. И Олег Ефремов это только подтвердил. В театре он был неуемно, фанатично, неутомим. Следы его фанатической деятельности известны всем — он создал самый талантливый, плодотворный "побег" мхатовского дерева — "Современник". Но в 70-м году оставил налаженное дело и отправился спасать обветшавший мхатовский организм. Чем дальше, тем больше становится очевидно, что он был донкихотом нашего театра. Шла середина прошлого века, но уже тогда молодой безумец сформулировал театральные правила, по которым жил не один театальный организм.

В фондах музея МХАТ хранятся совершенно уникальные ранние записки, проливающие свет на период рождения и становления "Современника".

"Мы вообще хотели ввести в свой устав такое правило: театр работает три года, а потом на год все разрезается по стране, дав предварительное слово не сниматься, не работать на радио и телевидении, вообще не работать по профессии, а заниматься чем угодно, лишь бы обогатить свои знания жизнью. Это, конечно, утопия для нашего времени, театр нельзя закрывать на год, да и знание жизни можно приобретать различными путями, но такой непрерывный приток знаний актеру необходим, как и любому другому художнику".

Ефремов насаждал коллективность в театре всеми правдами и неправдами, насильственным и ненасильственным путями.

"Сама коллективная идея не может зародиться и быть полноценной у людей невежественных, эгоистичных, косных в жизненном и профессиональном смысле. Коллективная идея для актера — это среда, в которой рождается собственный замысел. И любой успех вне сферы коллективной идеи вреден, он надолго подчиняет себе актера, подрывает принципы нашего искусства".

"Творческий процесс актера (ремесленника) происходит непрерывно: дома, в троллейбусе, в гостях. Когда меня спрашивают о домашней работе актера — я затрудняюсь ответить. Дома можно, конечно, учить текст, почитать книгу, но действительно работа должна проходить непрерывно. Если она не происходит, значит, что-то неблагоприятно".

Практически каждый день в дом к нему приходил доктор Художественного театра Сергей Тумкин. Он наблюдал Олега Ефремова совсем не с театральной стороны.

— Болезнь Олега Николаевича была специфическая, в том плане, что, когда он лежал в постели, его одышка прекращалась, и он чувствовал себя здоровым, забывал о своей болезни. В это время у него масса планов возникла о строительстве театра, о переустройстве МХАТ.

— Что за пациент был Ефремов?

— Лечиться он очень не любил, отказывался при каждом удобном случае, махал на меня руками: "Не надо, не приходи, я обойдусь". Его любимым выражением было: "Я отлежусь, как собака". Он даже в день смерти отказался, чтобы к нему приходили. Отправил домработницу.

Лекарства терпеть не мог принимать, особенно не любил уколы. Предписания не выполнял, хотя приезжали к нему врачи из Кремлевки.

— А режим часто нарушал?

— Да постоянно. Ну, например, совсем нельзя было курить. В последнее время он находился на кислородном аппарате. Ну какое уж там курить? А во время репетиций рядом стоял кислородный баллон, он забывался, прикуривал, и я едва успевал отодвинуть баллон, чтобы он не взорвался.

Когда готовилось столетие МХАТ, он бросил курить, понимал, что ему нужно собраться с силами. Не курил полгода. Говорил: "Столетие, столетие... Переживем его, будем жить по-новому". Но в тот же день, когда отметили, закурил. И выпил. Мог пачку выкурить. Все понимал, но не сдерживал себя.

— Но, может быть, ему следовало оставить театр и не мучить себя?

— С медицинской точки зрения, конечно, всякая работа была ему противопоказана совершенно. Он вставал с постели, и у него тут же начиналась одышка, задыхался. Его привозили в театр, он поднимался на лифте, долго стоял опершись, чтобы отдышаться. Но в покое, как только одышка проходила, он чувствовал себя нормально.

— Выпил?

— Во Франции профессор, консультировавший Олега Николаевича, так ему и сказал: "Можете выпивать хорошее красное вино типа бордо". Он воспользовался этим, приехал и всем объявил, что ему можно употреблять. Бордо он привез из Франции. Сам он в магазин не ходил, ему друзья приносили. Я

Дон Кихот русского театра

В роли Дон Кихота

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВ

— Как к нему относились домашние?

— Кого вы имеете в виду? Дети? Они редко появлялись. Может, они и без меня появлялись, но, судя по всему, нечасто. За лекарствами я ходил или его помощница. Никогда родственники этого не делали. Кормили его тоже чужие люди.

Меня восхищало его мужество, старался справиться самостоятельно со своей болезнью. Обычно такие тяжелые больные слушают мнение врачей, а он считал, что "сам должен". Даже когда он сломал столу — в театре неудачно оступился, когда поднимался на сцену, — он три дня терпел. Хотя я ему говорил, что нужно сделать снимок. "Нет, пройдет", — отмахивался он, и только когда уже не смог наступить, все-таки поехал. Локоть у него болел три года — помалкивал. Я его буквально насильно затащил на рентген: выяснилось, что у него под кожей стекло, когда-то упало и осколок застрял.

Он болел, обложившись книжками. И добрый был человек, никому не отказывал в просьбах. Предлагал: "Если вам нужно что-нибудь, Сергей Васильевич, воспользуйтесь моим именем".

Последний день жизни Олега Ефремова был похож на все предыдущие.

В докторском журнале есть запись: "Ефремов просил меня поправить очки, они сваливались при чтении. Я исправил крепление на переносице. Он надел, примерил, попросил также исправить вторые очки. Потряс головой, очки не сваливались, сказал, что больше ему ничего не надо. Я ушел обеспокоенный. Просил помощницу позвонить мне домой. Она осталась кормить его ужином и хотела пойти с ним на спектакль. Она позвонила мне в 21 час. Ефремов на спектакль не пошел... Он ужинать не стал, лег спать, она меня успокоила, сказала, что ничего особенного она не заметила. Ефремов отправил ее домой". Через день он поехал со студентами в Мелихово, позже у него должна была быть консультация по поводу отправки его в Барвиху. Но...

— Он не собирался умирать. Интерес к жизни был до самого конца. Он все время занимался строительством театра. Все понимали, что с его здоровьем уже невозможно совершить все, что он намечает. Я ему даже говорил: "Олег Николаевич, у вас не хватит никаких сил, сделайте пьесу, как Вахтангов сделал". А он хотел заниматься всем.

Марина РАЙКИНА.

За помощь в подготовке материала автор благодарит сотрудников Музея МХАТ.